

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.06

Правильная ссылка на статью:

Макаренцева А. О., Бирюкова С. С., Третьякова Е. А. Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 97—114.

For citation:

Makarentseva A. O., Biryukova S. S., Tretyakova E. A. Perceptions of time spent on housework among men and women. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 2. P. 97—114.

А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова, Е. А. Третьякова ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН О ЗАТРАТАХ ВРЕМЕНИ НА РАБОТУ ПО ДОМУ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН О ЗАТРАТАХ ВРЕМЕНИ НА РАБОТУ ПО ДОМУ

PERCEPTIONS OF TIME SPENT ON HOUSEWORK AMONG MEN AND WOMEN

МАКАРЕНЦЕВА Алла Олеговна — к. э. н., заведующая Лабораторией исследований демографии и миграции Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва, Россия.
E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-6849-5909

Alla O. MAKARENTSEVA¹ — Cand. Sc. (Econ.), Head of Laboratory for Studies of Demography and Migration
E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-6849-5909

БИРЮКОВА Светлана Сергеевна — к. э. н., ведущий научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия.
E-MAIL: sbiryukova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-2626-7021

Svetlana S. BIRYUKOVA² — Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher
E-MAIL: sbiryukova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-2626-7021

ТРЕТЬЯКОВА Екатерина Алексеевна — научный сотрудник Лаборатории исследований демографии и миграции Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва, Россия.
E-MAIL: tretyakova-ea@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-7008-288X

Ekaterina A. TRETAYAKOVA¹ — Researcher
E-MAIL: tretyakova-ea@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-7008-288X

¹ Institute for Social Analysis and Prediction, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

² Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье показано, как через ответы мужчин и женщин о собственных и супружеских затратах времени на работу по дому проявляется неравномерность трансформации социальных норм в российском обществе. Работа основана на данных выборочного обследования ИнСАП РАНХиГС «Человек, семья, общество» 2015 г. Акцент сделан на выявлении связи между ответами респондентов, их удовлетворенности распределением домашней работы и эмоциональным отношением к ней. Выявлено, что мужчины дают более высокие оценки затрат времени на работу по дому как в отношении себя, так и в отношении супруги по сравнению с оценками женщин. Разрыв в средних оценках мужчин и женщин в отношении друг друга сокращается с ростом стажа партнерских отношений, но увеличивается с появлением детей. Полученные в работе результаты свидетельствуют о сильном влиянии социальных норм и ценностей. Анализу также подлежали аудиозаписи интервью (интонации, сопроводительные комментарии, смех), что выявило различия в записи одинаковых ситуаций в массиве данных. Показано, что часто именно неудовлетворенность распределением нагрузки между партнерами порождает экстремально высокие или экстремально низкие оценки затрат времени.

Ключевые слова: социальные нормы, бюджеты времени, распределение домашних обязанностей, телефонный опрос, аудиозапись

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Государственного задания РАНХиГС на 2017 г. и проекта

Abstract. The paper explores an uneven transformation of social norms in the Russian society through the prism of female and male answers about their and their spouses' time spent on housework. The paper is based on the results of the survey titled «Individual, Family, and Society» conducted by the Institute for Social Analysis and Prediction (RANEPА) in 2015. The study investigates respondents' answers about their and their spouses' housework burden as well as levels of their satisfaction with the housework distribution and emotional attitude towards it. The authors reveal that, unlike women, men tend to give higher estimates to the time spent by them and their spouses on household chores. The gap between average male and female estimates decreases with the length of relationship and increases with the birth of children. The data of the survey suggest that social norms and values have a considerable impact on respondents' answers. In the last section of the paper, the authors provide an analysis of the interviews' recordings (respondents' intonations, comments, or laugh during their answers). The authors discover that, similar situations may result in different quantitative estimates depending on the respondents' satisfaction level and attitudes. Extremely high or extremely low estimates of time spent on housework often result from dissatisfaction with the distribution of housework.

Keywords: social norms, time budget, housework distribution, telephone survey, audio records

Acknowledgment. The study was carried out within the framework of the 2017 state task for RANEPА and the project

«Анализ социально-экономического неравенства и перераспределительной политики, оценка уровня и качества жизни различных социальных групп и исследование факторов здорового и активного долголетия» Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

titled «Analysis of social and economic inequality and redistribution policy, evaluation of living standards and quality of life of different social groups and study of factors of healthy and active ageing» within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2017.

Введение

История изучения семейных бюджетов времени насчитывает не менее полутора столетий (достаточно упомянуть классические исследования А. А. Кауфмана 1880—1890-х годов и более поздние работы С. Г. Струмилина и П. А. Сорокина, подробнее см. в [Артемов, 2003]). Долгое время исследователи подходили к ответам респондентов о расходовании времени буквально, как к регистрации фактов. Современная социология уделяет много внимания тому, что стоит за тем или иным ответом, какие факторы — внутренние по отношению к опросу (поведение интервьюера, порядок вопросов, обстоятельства заполнения анкеты) или внешние (социальные нормы, особенности личности респондента) — привели к нему [Нох, 1994; Schwarz, 1999; Hlebec, Ferligoj, 2001]. Поскольку все указанные факторы могут оказывать значимое влияние на ответ, интерпретировать его исключительно как зафиксированный факт некорректно.

Распределение обязанностей по дому — это поле меняющихся социальных норм. В обществе, где социальные нормы в отношении гендерных ролей меняются, сила и направление их эффекта могут варьировать по возрастным и социальным группам. Более того, будет различаться и восприятие самого вопроса о затратах на работу по дому. В социальных группах, разделяющих традиционные нормы, вопрос ассиметричен для мужчин и женщин: женщину спрашивают о привычной ей роли, а мужчину — о непривычной.

В данной статье, пытаясь проследить эти закономерности на российских данных, мы рассматриваем, как различаются ответы о затратах времени по ключевым социально-демографическим группам респондентов, а также соотносим их с удовлетворенностью сложившейся ситуацией. Через призму различий мужских оценок в отношении женщин и женских в отношении мужчин показана трансформация социальных норм.

В своих расчетах мы опираемся на прямые ретроспективные вопросы о затратах времени, своих и супруга, на домашнюю работу и исследуем их не столько как реальные затраты времени, сколько как представления мужчин и женщин о них. При этом в статье не ставится задача измерения точности оценок или выявления направления смещений — мы допускаем, что за наблюдаемыми расхождениями могут стоять как переоценка, так и недооценка затрат времени, своих или партнера.

Теоретический и эмпирический контекст исследования

Несмотря на рост вовлеченности мужчин в заботы о доме в последние десятилетия, выборочные обследования продолжают фиксировать разницу между мужчи-

нами и женщинами в затратах времени на них. Гендерное неравенство на уровне семьи сохраняется и в обществах с высокой женской занятостью [Калабахина, Тарасов, 2010], в том числе, в России.

По результатам сибирского обследования В. А. Артемова начала 1990-х годов, женщины в городской местности уделяли домашнему труду в среднем на 2 ч. 22 мин. в день больше времени, чем мужчины; в сельской местности — на 2 ч. 54 мин. больше (3:52 против 1:29 и 3:40 против 46 минут соответственно) [Артемов, 1999]. Похожие результаты были получены в ходе исследования бюджетов времени городского населения, проведенного в 1998 г. в Москве, Нижнем Новгороде и Иванове [Барсукова, Радаев, 2000]. Здесь, в отличие от предыдущей работы, понятие «домашний труд» не разделялось с воспитанием детей и работой на личном подсобном хозяйстве, и оценка гендерного разрыва стала еще выше: 3 ч. 37 мин. в день (6:44 против 3:17). Еще одна работа — на основе обследования РМЭЗ 1998 г. — показала, что в среднем женщины тратят на выполнение домашних обязанностей на 2 ч. 20 мин. больше, чем мужчины [Мезенцева, 2003].

Лонгитюдные обследования дают противоречивые результаты. Опросы, проведенные в Пермском крае в период с 2001 г. по 2009 г., показали увеличение асимметрии в распределении домашнего труда: разрыв между мужчинами женщинами с 2001 г. по 2009 г. вырос с 2 ч. 11 мин. до 3 ч. 04 мин. [Базуева, 2010]. Другое исследование, проведенное в шести регионах страны, говорит о небольшом сокращении разрыва между затратами времени мужчин и женщин: в 1986 г. он составлял 1 ч. 46 мин., а к 2007 г. — сократился до 1 ч. 09 мин. [Караханова, 2014]. Это может объясняться тем, что в данном исследовании в категорию «домашнего труда» были включены работа на земельном участке и другие работы вне дома, посещение предприятий торговли и сферы услуг, уход за детьми и их воспитание. Отметим, что описанные различия относятся к макроуровню — корректная оценка на уровне домашних хозяйств невозможна, поскольку во всех опросах принимал участие только один из супругов.

Насколько можно доверять этим и другим подобным оценкам? Известно, что ответы на прямые вопросы о затратах времени на домашнюю работу содержат ошибки: 'reporting gap' — разница между ответами на ретроспективные вопросы о временных затратах в обычной анкете и в дневниковых обследованиях — была зафиксирована еще в 1980-х годах. [Marini, Shelton, 1993; Kan, 2008]. Предполагается, что данные дневниковых обследований дают более точные сведения¹. Ошибка в оценке затрат объясняется не только «честной ошибкой»², но и различиями в поведении респондентов. Мужчины и женщины по-разному воспринимают вопросы о распределении домашних обязанностей и по-разному на них отвечают. Переоценка или недооценка затрат времени, отказ от количественной оценки — все эти смещения результируют взаимодействие реального положения вещей с соци-

¹ Хотя они тоже имеют слабые места. Во-первых, их проведение значительно дороже. Во-вторых, смещения оценок дневниковых опросов связаны с высокими затратами времени со стороны респондентов на заполнение дневника, а значит, со сложностью вовлечения респондентов и высокими рисками фабрикации и фальсификации данных со стороны интервьюеров или самих респондентов (о проблемах фальсификации опросных данных см. [Рогозин, Ипатова, 2015]).

² Необходимость вспоминать в ретроспективном обследовании, двойной учет времени при параллельном выполнении дел, нехватка информации о занятости партнера.

альными нормами (стереотипами, ожиданиями) в голове респондента и его/ее поведением в момент опроса. На размер смещений влияет социально-экономический статус, а также наличие детей, требующих присмотра и ухода, — но влияют эти факторы по-разному на ответы мужчин и на ответы женщин [Press, Townsley, 1998].

Запускает систематическую ошибку социальная норма в отношении гендерного неравенства в семье. Вопросы об обязанностях не являются гендерно нейтральными [Robinson, Milkie, 1998]. При движении общества в сторону эгалитаризма респонденты-мужчины, особенно образованные и либерально настроенные, будут склонны выше оценивать собственные затраты времени, чтобы соответствовать ожиданиям. Невозможно определить, является ли такая оценка собственных затрат осознанно завышенной или «честной ошибкой», следствием самообмана. Аналогичный механизм давления работает и в отношении женщин: если в обществе превалирует мнение, что домашние дела — это женский труд, то респондентки будут давать завышенные оценки своих затрат. Другими словами, наиболее важной проблемой в отношении субъективных оценок остается желание респондента соответствовать ожиданиям и давать социально приемлемый ответ [Sudman, Bradburn, 1974; Tourangeau, Rips, Rasinski, 2000].

Другая сторона этого вопроса — личная удовлетворенность распределением обязанностей, ощущение участия и разделения бремени домашнего труда. В пользу этого говорит тот факт, что участие мужчин в традиционно женских делах является одной из ключевых детерминант восприятия ситуации как «справедливой» среди занятых женщин [Benin, Agostinelli, 1988]. В то же время в тех случаях, когда единственным занятым является мужчина, «справедливое» распределение обязанностей, как правило, не предполагает равенства партнеров, его определение более размыто [Blair, Johnson, 1992].

В результате этого, как показывают исследования пар, расхождения собственных оценок с оценками партнера оказываются большими по мужчинам, чем по женщинам; женщины всегда оценивают затраты своих партнеров ниже, чем они сами, в то время как мужчины иногда (по отдельным видам занятий) «переоценивают» женщин [Marini, Shelton, 1993; Kato, 2000].

Помимо смещений в связи с нормативными ожиданиями, при оценке затрат времени по прямому вопросу можно ожидать ошибок восприятия и измерения. Так, точность ответов о затратах времени снижается с ростом частоты работы и ее длительности [Press, Townsley, 1998]. Следовательно, женщины, выполняющие основную часть работы, могут сильнее завышать свои оценки. С другой стороны, если женщины выполняют большую часть работы, они должны располагать более точной информацией и давать более аккуратные оценки распределению нагрузки. Эмпирические данные подтверждают второе — в отношении к общему объему затраченного на работу времени женщины в среднем завышают свои оценки меньше, чем мужчины. Более того, согласно результатам некоторых исследований, в терминах средних показателей по выборке самооценка временных затрат у женщин совпадает с тем, как их оценивают партнеры [Kato, 2000].

Таким образом, оценки затрат времени на работу в домашнем хозяйстве, полученные на основе ответов на прямые ретроспективные вопросы, как правило, содержат систематические смещения, величина и даже направление которых

дифференцированы по полу и другим социально-демографическим признакам. Поэтому при анализе таких данных уместнее говорить об исследовании представлений, а не реального распределения нагрузки.

Данные и методология работы

Наше исследование опирается на данные двух опросов населения. Основная эмпирическая база — опрос «Человек, семья, общество», проведенный Институтом социального анализа и прогнозирования в 2015 г. (далее ЧСО). Данный опрос проводился по общероссийской выборке в 9515 респондентов методом телефонных интервью. Респондентам ЧСО задавался прямой вопрос о том, сколько времени они лично и, как они предполагают, их супруги³ потратили на домашнюю работу в предшествующий опросу день. В опросе ЧСО один респондент представлял все домохозяйство, поэтому сравнение ответов мужчин и женщин проводится на уровне групп, а не супружеских пар. Для справочного сопоставления этих оценок с данными дневников используется Выборочное наблюдение использования суточного времени населением, проведенное Росстатом в 2014 г. по выборке в 10 тысяч домохозяйств.

В дополнение к количественному анализу, в рамках работы проведено выборочное прослушивание аудиозаписей интервью ЧСО: проанализированы экстремальные ответы, а также кейсы респондентов, неудовлетворенных распределением домашних обязанностей. В связи с небольшим количеством мужчин, попадающих в последнюю категорию, такие интервью были прослушаны без отбора (19 респондентов). Из интервью женщин, полностью неудовлетворенных распределением домашних обязанностей, случайным образом были отобраны 27 кейсов, из неудовлетворенных частично — 15. С целью нивелирования фактора наличия детей дополнительно было отобрано 20 интервью бездетных. Работа с аудиоматериалами позволила выявить различия в записи одинаковых ответов разными интервьюерами, зафиксировать социально приемлемые объяснения сложившимся диспропорциям и проследить, как интонационный окрас ответа маркирует экстремальные ответы.

Основываясь на результатах предыдущих эмпирических исследований, в качестве гипотезы исследования мы приняли предположение о том, что расхождение в оценках затрат друг друга между мужчинами и женщинами будет зависеть от их социального статуса, ценностей и от этапа жизненного цикла семьи. Кроме того, мы предполагаем, что соотношение затрат времени супругов будет тесно связано с показателями удовлетворенности. Вследствие этого наиболее существенные расхождения мы ожидаем увидеть в оценках мужчин и женщин из молодых семей и семей с несовершеннолетними детьми, поскольку именно на этих этапах супруги могут сталкиваться с высокой общей нагрузкой домашней работой и серьезными диспропорциями в ее распределении и, как следствие, показывать низкую удовлетворенность.

Наконец, мы предполагаем, что экстремально высокие и экстремально низкие оценки могут быть результатом неверной (или вольной) интерпретации от-

³ Включая незарегистрированные браки.

вета интервьюером. В дополнение к этому, мы ожидаем, что сопроводительные комментарии респондентов могут быть использованы для выявления факторов, приводящих к смещению индивидуальных оценок в отношении партнера.

Оценка мужчинами и женщинами затрат времени на домашний труд

В среднем, опрошенные в ЧСО мужчины оценивают свои затраты на домашнюю работу в чуть более чем 3 часа, женщины — в 5 часов в день. Эти оценки значительно выше, чем те, что были получены в ходе дневникового обследования Росстата, и полученное расхождение не позволяет относиться к ним как к фиксации действительности. При этом женщины оценили затраты времени своих супругов ниже, чем мужчины оценили свои собственные затраты — 2,4 часа против 3,1 часа. Однако мужчины оценили затраты времени своих партнерш выше, чем это сделали сами женщины — 5,7 часа против 5,0 часа (табл. 1); такая «щедрость» может свидетельствовать о меньшей точности оценок мужчин.

Таблица 1. Затраты времени в среднем за день недели, часы и минуты

	Женщины			Мужчины		
	все	есть дети	без детей	все	есть дети	без детей
<i>Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением, 2014</i>						
На оказание неоплачиваемых бытовых услуг для собственного конечного использования в рамках домохозяйства	3:22	3:22	3:22	1:35	1:18	1:44
На оказание неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства*	1:03	1:55	0:12	0:22	0:49	0:07
<i>«Человек, семья, общество», 2015</i>						
На домашнюю работу	4:56	5:04	4:52	3:19	3:08	3:27
На воспитание**	10:36	10:37	—	5:19	5:20	—
* Дети в возрасте до 15 лет, проживающие совместно с респондентом.						
** Дети в возрасте до 14 лет, проживающие совместно с респондентом.						

Затраты времени на домашнюю работу существенным образом зависят от этапа жизненного цикла семьи (табл. 2). Самой простой характеристикой этапа жизненного цикла является возраст членов домохозяйства, который несет в себе не только непосредственно возрастное влияние, но и поколенческое. Так, возраст супругов влияет на фактические трудозатраты через состояние здоровья (скорость выполнения тех или иных действий), образ жизни домохозяйства (работа в огороде, наличие конкурирующих с домашними делами альтернатив), на уровень его благосостояния и, соответственно, на обеспеченность бытовой техникой, наконец, на количество проводимого вместе времени и полноту информации о реальных затратах времени супруга(и). Поколенческие различия в данном случае могут проявляться через бытовые и досуговые предпочтения, принятые нормы семейного уклада.

Другим значимым фактором является наличие детей. В парах с маленькими детьми разница в оценках своих затрат и затрат партнера максимальна, и по мере взросления детей она сокращается; минимальные различия наблюдаются в ответах респондентов из бездетных пар. Аналогичная динамика прослеживается и в отношении суммарной нагрузки домашней работой, что подтверждает гипотезу о связи совокупного объема работы с расхождениями в оценках партнеров. В то же время самые близкие показатели мы фиксируем в отношении пожилых супругов, что неудивительно: образ жизни этих респондентов предполагает хорошую осведомленность о распорядке дня и занятости друг друга.

Таблица 2. Среднее количество времени, затрачиваемое респондентом и его/ее супругой/ом на домашнюю работу в разрезе пола и типа семьи, часы и минуты

	Мужчины		Женщины	
	про себя	про супругу	про себя	про супруга
Бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет	2:36	3:42	3:18	1:54
Пары с детьми в среднем младше 5 лет	2:48	6:30	5:12	2:18
Пары с детьми в среднем от 6 до 17 лет	3:18	5:18	5:00	2:30
Пары с детьми в среднем от 17 до 25 лет	3:36	5:00	4:54	2:42
Пары со взрослыми детьми без внуков	3:06	4:30	4:42	2:36
Пары с детьми и внуками	3:48	5:30	5:42	3:18
Пары, в которых женщине от 45 до 59 лет, проживающие без детей	3:54	4:36	5:06	3:24
Пары, в которых оба партнера старше 60 лет, проживающие без детей	4:00	5:12	5:18	3:42

Таким образом, женщины во всех семьях (кроме пар с маленькими детьми) оценивают разницу между своими и супружескими затратами времени выше, чем мужчины оценивают обратную разницу. Картина меняется при межгрупповом сравнении (столбцы 3 и 4 табл. 3). Мужчины из бездетных пар и пар с несовершеннолетними детьми оценивают затраты женщин на домашнюю работу выше, чем сами женщины из таких домохозяйств. Максимальная разница отмечается в категории «пары с детьми младше 5 лет». В более зрелых семейных парах женщины оценивают свои затраты времени на домашнюю работу несколько выше, чем мужчины оценивают затраты времени у своих партнерш. Наибольшая разница достигается в парах типа «пустые гнезда». Женщины из всех типов семейных пар оценивают затраты мужчин на домашнюю работу ниже, чем делают это они сами. Самая большая разница в оценках — в парах со взрослыми детьми и детьми-подростками, самая маленькая — в пожилых парах. Камо [Камо, 2000] связывал точность оценок с длительностью партнерского союза, поясняя, что со временем супруги лучше узнают друг друга и точнее оценивают затраты. Наши эмпирические данные не подтверждают линейной связи, выявляя сильное влияние «детского фактора».

Таблица 3. Разница в оценках своих затрат времени и затрат времени супруга(ги) на домашнюю работу, часы и минуты

	Ответ респондента «про себя» минус ответ респондента «про супруга(гу)»		3 Ответ мужчин «про себя» минус ответ женщин «про супруга»	4 Ответ женщин «про себя» минус ответ мужчин «про супруга»
	1 Мужчины	2 Женщины		
Бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет	-1:12***	1:24***	0:36**	-0:30
Пары с детьми в среднем младше 5 лет	-3:32***	2:54***	0:30*	-1:18***
Пары с детьми в среднем от 6 до 17 лет	-2:00***	2:30***	0:48***	-0:18
Пары с детьми в среднем от 17 до 25 лет	-1:24***	2:12***	0:54***	-0:06
Пары со взрослыми детьми без внуков	-1:18***	2:06***	0:30	0:18
Пары с детьми и внуками	-1:36***	2:24***	0:36	0:12
Пары, в которых женщине от 45 до 59 лет, проживающие без детей	-0:42***	1:42***	0:30	0:30
Пары, в которых оба партнера старше 60 лет, проживающие без детей	-1:12***	1:36***	0:18	0:06

*** — различия значимы на уровне 1%, ** — 2,5%, * — 5%

Использование относительных показателей (доля затрат мужчин в общих затратах времени супругов) не меняет полученные результаты. Вне зависимости от того, полный или неполный день работает женщина⁴, доля затрат времени мужчины остается низкой. Это отражает сохранение в российском обществе модели, при которой дом — сфера занятости женщины вне зависимости от ее статуса на рынке труда, и указывает на несимметричность в эволюции гендерных отношений в публичном и личном пространствах.

Для оценки влияния ключевых социально-демографических характеристик на различия в оценках мужчин и женщин мы обращаемся к сводной стратификационной шкале, учитывающей набор таких факторов, как уровень образования и положение на рынке труда, размеры доходов и имущественная обеспеченность [Малева, Бурдяк, Тындиц, 2015]. В данной шкале «средние классы» — это наиболее благополучные слои общества (имеют высокий уровень образования, заняты на хороших рабочих местах и чувствуют уверенность в завтрашнем дне), протосредние — молодые (до 45 лет) респонденты, не дотягивающие до положения средних, но имеющие шансы в них войти; постсредние — респонденты старших возрастов, уже не имеющие возможностей попасть в состав средних, но в целом благополучные; низший класс — неблагополучные слои населения; и базовый класс — те, у кого нет ни признаков низших, ни признаков средних.

⁴ В среднем по выборке в режиме неполного дня/неполной недели работают 13% респондентов.

Мужчины, принадлежащие к среднему классу, дают более низкие оценки затрат времени своих супругов, чем представители других классов (табл. 4). Однако именно в среднем и протосреднем классах мужчины склонны считать, что женщины уделяют домашним делам больше времени, чем сами женщины из аналогичных домохозяйств. Женщины вне зависимости от социальной страты дают более низкие оценки затрат времени мужчины, чем сами мужчины — своих затрат. Различия по социальным стратам отражают и влияние типа поселения. Представители средних классов концентрируются в крупных городах, а респондентов из неблагополучных слоев чаще можно встретить в небольших населенных пунктах. В крупных городах и мужчины, и женщины тратят на домашнюю работу приблизительно в два раза меньше времени, чем в сельской местности. Интересно, что в оценках партнеров разрыв выше: если женщины, проживающие в сельской местности, считают, что их партнеры в среднем работают по дому около 4,4 часов в день, то жительницы городов снижают этот показатель до 1,3 часа. В целом, чем больше размер населенного пункта, тем меньше разрыв оценок женщин между собственными затратами и затратами времени партнера. Аналогично респонденты-мужчины в крупных городах реже отмечают, что их партнерши тратят на домашние дела более чем на 5 часов больше, чем они сами. Однако мужчины из центров регионов и мегаполисов склонны переоценивать вклад женщин в домашний труд: если в Москве и Санкт-Петербурге мужчины считают, что их партнерши работают по дому около 4 часов в день, то сами женщины оценивают свою занятость в среднем лишь в 3,5 часа.

Связь экономического положения каждого из супругов и затрат на домашний труд объясняется несколькими теоретическими концепциями. Согласно «теории обмена» [Becker, 1981], чем больше превышение дохода мужчины над доходом женщины, тем меньший объем домашней работы он будет выполнять. Однако по концепции «гендерного дисплея» [Goffman, 1977] связь обратная: чем выше участие женщины в доходах семьи, тем меньше домашней работы будет выполнять мужчина, компенсируя свое несоответствие мужской роли. Наши эмпирические данные не дают однозначной поддержки того или иного объяснения, свидетельствуя в пользу их сосуществования.

Таблица 4. Средние показатели временных затрат на домашнюю работу, часы и минуты

Классы	Мужчины		Женщины		Различие в оценках	
	1 про себя	2 про супругу	3 про себя	4 про супруга	по мужчинам (разница по ст. 1 и 4)	по женщинам (разница по ст. 3 и 2)
Протосредний	2:50	5:02	4:22	2:08	0:42***	-0:40***
Средний	2:39	4:36	3:30	2:08	0:31***	-1:06***
Постсредний	3:49	4:59	5:02	3:13	0:36**	-0:03
Базовый	3:27	5:24	5:29	3:03	0:24*	-0:05
Низший	4:22	5:38	6:12	3:22	1:00***	-0:34

*** — различия значимы на уровне 1%, ** — 2,5%, * — 5%

В зависимости от того, как респонденты отвечали на вопрос о выходе женщины из декретного отпуска, они были разбиты на две группы: консерваторы (выходить как можно позже, больше времени проводить с семьей) и сторонники эгалитарных взглядов (выходить на работу раньше, строить карьеру, зарабатывать деньги). В целом приверженцы консервативных взглядов, и мужчины и женщины, говорят, что тратят на домашние дела больше времени. Это касается и оценок супружеской работы по дому: мужчины-консерваторы даже переоценивают время, которое женщины затрачивают на домашние дела, давая более высокую оценку, нежели сами женщины, и транслируя, таким образом, традиционный стереотип о широкой зоне ответственности женщины в работе по дому.

Мужчины эгалитарных взглядов в среднем чаще указывают минимальный разрыв между собой и супругой в затратах времени на домашние обязанности. Особенно ярко это видно по доле мужчин, указавших, что их партнерша уделяет домашним обязанностям как минимум на 5 часов больше времени, чем они сами: если среди «консерваторов» их доля составляет 20,6%, то среди сторонников эгалитарных взглядов — лишь 12,3%. Различий в ответах женщин не наблюдается⁵. Это тем более примечательно, что среди женщин выше доля тех, кто разделяет эгалитарные взгляды, чем среди мужчин.

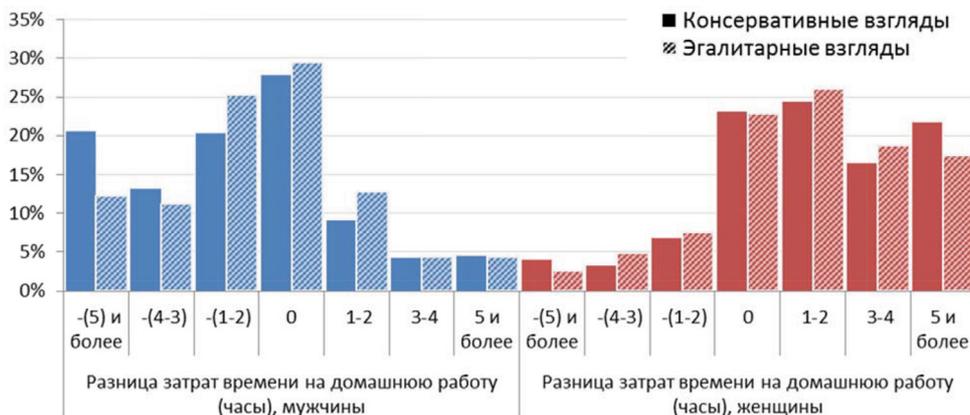

Рисунок 1. Распределение по разнице в оценках затрат времени на домашнюю работу, оценки «про себя» минус «про супруга(гу)», %

Соотнесение социального положения и ценностных установок показывает, что мужчины из средних классов с эгалитарными взглядами дают наименьшие из всех оценки по собственным затратам времени на домашнюю работу, тем самым приближаясь к представлениям женщин об их затратах. В тоже время мужчины и среднего и протосреднего классов с консервативными взглядами максимально переоценивают время домашней работы женщин по сравнению с их самооценками. Подобные свидетельства хорошо согласуются с концепцией

⁵ Парное тестирование показало значимость различий среди мужчин на 10% уровне значимости в категориях «—5 часов и более», «—1,2 часа», «1—2 часа»; среди женщин на 10% уровне значимости различия значимы в категории «5 часов и более».

гендерного перехода [Калабихина, 2011], согласно которой современная Россия находится на второй его стадии и характеризуется неравномерностью снижения гендерного неравенства в домохозяйственных институтах по разным социальным группам. В части общества представления о разделении домашнего труда соответствуют принципам экономической рациональности, что более характерно для поздних стадий гендерного перехода; а в части — принципам традиционного проявления гендерных ролей. Водораздел проходит не столь по уровню экономического положения, сколько по разделяемым ценностям.

Удовлетворенность распределением обязанностей

Как следует из обзора теоретических и эмпирических работ, сравнение распределения обязанностей по дому с удовлетворенностью им позволяет судить о действующих в обществе социальных нормах.

Таблица 5. Удовлетворенность распределением домашних обязанностей в зависимости от разницы в оценках своих затрат и затрат времени партнера(ши), % по столбцу

	Женщины тратят времени больше на...					Одинаковые затраты времени	Мужчина тратит времени больше на...	
	5 и более часов	4 часа	3 часа	2 часа	1 час		1 час	2 и более часов
	<i>Ответы мужчин</i>							
Полностью удовлетворен	82,1	78,3	82,9	80,9	77,0	83,6	77,1	78,2
Скорее удовлетворен	12,5	20,0	12,8	16,1	20,6	14,4	17,9	15,9
Не особо удовлетворен	5,4	1,7*	4,3*	3,0	2,3*	2,0	5,0*	5,9
	<i>Ответы женщин</i>							
Полностью удовлетворена	43,8	45,6	43,0	50,2	54,0	69,0	72,5	75,7
Скорее удовлетворена	29,1	33,6	34,6	30,6	37,4	23,0	21,3	18,6
Не особо удовлетворена	27,0	20,8	22,5	19,2	8,5	8,0	6,1*	5,8

* менее 10 наблюдений

Вопрос об удовлетворенности распределением домашних обязанностей между супругами включал 5 вариантов ответа, но нижние 3 оценки были объединены для анализа в силу небольшой наполненности (затруднившиеся, «скорее не удовлетворены», «совсем не удовлетворены», см. табл. 5). Удовлетворенность распределением обязанностей по ответам мужчин предсказуемо выше, чем по ответам женщин. Она слабо варьирует в зависимости от оценок затрат времени на домашнюю работу,

и доля полностью удовлетворенных мужчин колеблется на уровне 80% вне зависимости от того, кто из супругов тратит времени больше и насколько. Удовлетворенность распределением обязанностей среди женщин напрямую зависит от разницы в оценках затрат времени между ней и ее супругом. Разрыв между долей полностью удовлетворенных распределением обязанностей женщин в крайних категориях семей составляет 32 п. п. При этом доля полностью удовлетворенных одинакова как среди тех, кто тратит на 3 часа времени больше, чем супруг, так и среди тех, кто тратит на 5 часов больше. Это означает, что фактически неравное распределение объема домашнего труда воспринимается и мужчинами, и женщинами как справедливое, а традиционная роль женщины в семье находит свою поддержку.

Реально судить об удовлетворенности распределением обязанностей и о том, воспринимается ли оно как «справедливое», можно не только по распределению этого показателя, но и по характеру всех ответов респондента, понять который можно из аудиозаписей.

«За кадром»: анализ аудиозаписей интервью

Безбумажная технология опроса позволяет обратиться к аудиозаписям интервью. Реальный разговор респондента с интервьюером намного богаче запроотоколированных ответов. Прослушивание записей в рамках данного исследования было использовано для интерпретации неправдоподобных ответов респондентов о затратах времени на домашний труд, а также для выявления ненаблюдаемого фактора — эмоционального отношения респондента к распределению обязанностей в семье.

К неправдоподобным ответам мы отнесли затраты времени, превышающие 8 часов. Работа с аудиозаписями выявила распространенность ответов «целый день», которые интервьюеры без уточняющих вопросов кодировали по-разному: от 8 до 24 часов. Второй неправдоподобный вариант ответа — это 0 часов («ни минуты!»), и он был особенно распространен в отношении затрат времени супруга(ги). Включение этих ответов в качестве валидных при обработке данных оказывает значимое влияние на средние оценки, а их исключение обедняет анализ. Эти неправдоподобные ответы служат индикатором острого эмоционального отношения респондента к проблеме.

Прослушивание записей интервью с женщинами, неудовлетворенными распределением домашних обязанностей, показало, что их лаконичные ответы (типичные в отношении себя: «часа три» (ж, 26), «час» (ж, 33) и в отношении супруга: «полчаса» (ж, 32), «ноль» (ж, 26), «нисколько» (ж, 26), «мой супруг... ничего не потратил» (ж, 35)) почти всегда эмоционально окрашены. Саркастическим тоном или смехом женщины передают свое несогласие со сложившейся ситуацией. Встречаются и более развернутые эмоциональные комментарии: «Нисколько не потратил (смеется). Пришел, покушал и лег, ноги кверху» (ж, 39); «Супруг не утруждает себя домашней работой. На диване лежал. 10 минут мусор выкидывал» (ж, 39); «Господи, он вообще ничего не тратит (смеется)» (ж, 45).

В ходе ответа о затратах времени респондентки называют причины сложившегося распределения обязанностей. Например, когда физическое состояние супруга не позволяет ему выполнять домашнюю работу: «Он на домашнюю работу ничего не тратит, потому что он перенес три микроинсульта» (ж, 64), «Нисколько.

У него заболевание... Ему ничего нельзя делать» (ж, 67); «Не удовлетворена, совсем. Я и женщина, и мужик, я и не знаю. Дело в том, что тяжелое поднимать он не может. Все работы на мне. Он готовит, как женщина, вроде как баба, а все тяжести я поднимаю. Ладно, еще дети помогают, внуки...» (ж, 64).

Неудовлетворенные распределением домашних обязанностей мужчины — это почти всегда приверженцы консервативных взглядов в отношении роли женщины в семье. Многие мужчины выражают недовольство тем, что женщины посвящают себя домашним делам лишь после работы: *«Супруга? Ну как, она с работы пришла, дети на нее залезли, соскучились. Особенно младший. Я не знаю, сколько она потратила на домашнюю работу» (м, 35).* Другие, напротив, считают, что это они работают слишком много: *«Не удовлетворен. Ну, я не знаю, как это охарактеризовать. Я слишком много работаю... с утра до ночи. Не получается помогать супруге» (м, 44).*

Иногда мужчины в зрелом возрасте по состоянию здоровья не работают и занимаются домашним хозяйством вместо женщин, и это приводит к неудовлетворенности: *«Да целый день. 12 часов. Типичный (день), в сельском хозяйстве так... Она была на работе. Да часа четыре. Скорее не удовлетворен. Я должен работать, а она сидеть дома, а не наоборот. Совсем (не удовлетворен)» (52, м, безработный); «Супруга? Честно говоря, я ее, супругу свою, увидел только часов в 10 вечера. Даже не могу сказать. По-моему, она нисколько не потратила. С утра кофе попила, посуду помыла. Минут семь, наверно (смеется)» (м, 55, безработный).*

Неудовлетворенность распределением домашнего труда проявляется при его несоответствии принятым в обществе гендерным ролям. Важным является не только объем времени, но и характер обязанностей: мужчинам неприятно выполнять «женскую» работу, а женщинам — «таскать тяжести». Физические ограничения и высокая занятость на работе — единственные проговариваемые респондентами факторы низкой вовлеченности в домашний труд, своей или супруга(ги). Только они являются социально одобряемыми, «объективными» причинами. Отсутствие удовлетворяющей всех договоренности внутри семьи не артикулируется респондентами, и отражается в ходе ответа только интонационно.

Основные выводы и дискуссия

Данные выборочных обследований населения свидетельствуют о сохраняющемся в России гендерном неравенстве в распределении бремени домашних обязанностей: в представлениях мужчин домашняя работа отнимает больше времени, чем в представлениях женщин. На ответы влияет этап жизненного цикла семьи и нагрузка детьми. В частности, (а) чем дольше опыт совместного проживания, тем ближе средние оценки мужчин и женщин; (б) чем больше детей и чем они младше, тем сильнее оценки расходятся. Кроме этого, на соотношении ответов мужчин и женщин о затратах на домашний труд сказывается социальное положение семьи. Чем оно выше — а значит, в среднем выше образование, доход и вовлечение женщин в высококвалифицированную занятость — тем сильнее расходятся оценки мужчин на домашнюю работу, выполняемую женщинами, по сравнению с собственными оценками женщин. В соответствии с принципами экономической рациональности женщины снижают свое вовлечение в домашний труд, но в представлениях мужчин остаются соответствующими традиционной женской роли.

Анализ предыдущих исследований (прежде всего, зарубежных), а также выборочное прослушивание аудиозаписей подтверждает гипотезу о том, что за декларируемыми масштабами вовлечения в домашний труд нередко стоит внутренний конфликт респондента, происходящий от несоответствия ситуации в семье и разделяемых им(ею) социальных норм. Значительная часть неправдоподобно заниженных в отношении супруга(ги) оценок сопровождается специфическим интонационным окрасом ответа. Отсутствие договоренностей внутри семьи не является социально приемлемым объяснением и не артикулируется респондентом.

В России продолжают действовать определенные социальные ожидания относительно справедливого или «нормального» распределения бремени домашней работы между супругами. То, насколько соотносится фактическое распределение обязанностей с этими ожиданиями, оказывает значительное влияние и на сами ответы, и на оценку удовлетворенности. Например, если респондентка полагает, что участие мужчин в быту и заботе о детях в целом повышается (читает об этом в СМИ и социальных сетях, видит на примере своего социального окружения и так далее), а в собственной семье этого нет, ее удовлетворенность будет ожидаемо ниже. Если она не удовлетворена вкладом мужа, она может давать заниженные фактические оценки. Возможен и другой эффект: стремясь дать социально приемлемый ответ, респондентка припишет своему супругу большее участие в распределении обязанностей, чем есть на самом деле.

Не менее интересно влияние норм на ответы мужчин. Это влияние может быть даже более сильным и противоречивым, так как вопрос о затратах на домашний труд для них менее привычен, чем для женщин. Если мужчина разделяет эгалитарные взгляды, то он может приписывать себе «лишние» часы работы по дому. Если же он сторонник традиционной модели, то, наоборот, будет склонен к ответу, что все в доме делает жена.

Почему мужчины оценивают затраты женщин на быт даже выше, чем сами женщины? Их оценка может быть основана не на наблюдении, а на словах партнера, которые выполняют работы по дому в отсутствие супруга и завышают свои трудозатраты. Другое объяснение предполагает большую эффективность женщин: поскольку женщины несут основное бремя домашней работы, они имеют большой опыт и выполняют ее быстрее мужчин [Като, 2000]. «Прикидывая» время на основе объема выполненной работы и не зная фактических затрат, мужчины дают завышенные оценки. Третье объяснение лежит в плоскости приведенных выше рассуждений о влиянии социальных норм: для мужчин, разделяющих традиционные взгляды, ответ «жена выполняет всю работу по дому» является наиболее приемлемым. Наконец, существует и четвертый вариант: женщины чаще стараются дать точную оценку занятости, как свою, так и партнера (в часах и минутах). В современной России принято, что дом — женское дело, и респонденты могут транслировать соблюдение этой нормы, даже если в реальности это не так. Это предположение подтверждается очень высокой в среднем по выборке удовлетворенностью распределением обязанностей — даже тогда, когда оно совсем не равное⁶.

⁶ Подобные результаты наблюдаются не только в России [Bernhardt, Brandén, Ruppner, 2017].

Таким образом, в целом, за ответами респондентов о затратах времени на домашнюю работу мы зачастую обнаруживаем не фактическое положение вещей, а его субъективное восприятие. Однако они заслуживают исследовательского внимания, поскольку именно восприятие оказывает влияние на качество жизни и принятие решений.

Список литературы (References)

Артемов В. А. Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970—1990-е гг. // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. Н. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск : Наука, 1999. С. 573—593. [Artemov V. A. (1999) Tendencies of changes of everyday activity of population in 1970s-1990s. *Social trajectory of the reformed Russia: Studies of the Novosibirsk Socio-Economic School*. Novosibirsk: Nauka. P. 573—593. (In Russ.)].

Артемов В. А. К истории возникновения исследований бюджетов времени // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 141—149. [Artemov V. A. (2003) On the origins of time budget studies. *Sociological research*. No 5. P. 141—149. (In Russ.)].

Базуева Е. В. Гендерные особенности формирования бюджетов домохозяйств в Пермском крае (по результатам лонгитюдного исследования «Социально-рыночная экономика семьи») // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 33. С. 39—49. [Bazueva E. V. (2010) Gender-related specifics of formation of household budgets in Perm Krai (on the findings of a longitudinal study «Social and market economy of the family»). *Regional economy: theory and practice*. No 33. P. 39—49. (In Russ.)].

Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. Социология. Этнология. 2000. № 4. С. 65—102. [Barsukova S. Yu., Radaev V. V. (2000) Legend about the gender. The principles of distribution of work between spouses in modern city family. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. No 4. P. 65—102. (In Russ.)].

Калабихина И. Е. Гендерный переход и качество жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 8. С. 42—48. [Kalabihina I. E. (2011) Gender changeover and life quality. *Standard of living of the population of Russian regions*. No 8. P. 42—48. (In Russ.)].

Калабихина И. Е., Тарасов А. А. Гендерное равенство и экономическое развитие в Великобритании // Российский экономический интернет-журнал. 2010. № 2. С. 128—144. [Kalabihina I. E., Tarasov A. A. (2010) Gender equality and economic development in the UK. *Russian economic online journal*. No 2. P. 128—144. (In Russ.)].

Караханова Т. М. Домашний труд как потребительская деятельность // Вестник Института социологии. 2014. № 8. С. 108—130. [Karahanova T. M. (2014) Domestic labor as a consumer activity. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No 8. P. 108—130. (In Russ.)].

Малева Т. М., Бурдяк А. Я., Тынди́к А. О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3 (27). С. 109—138. [Maleva T. M., Burdyak A. Ya., Tyndik A. O. (2015) Middle classes at different stages of life course. *Journal of the New Economic Association*. No 3 (27). P. 109—138. (In Russ.)].

Мезенцева Е. Б. Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. МОТ. М. : 2003. С. 50—71. [Mezentseva E. B. (2003) Men and women in domestic labor: the logic of economic rationality against the logic of gender identity? *Gender equality: looking for a solution to old problems*. Moscow. P. 50—71. (In Russ.)].

Рогозин Д. М., Ипатова А. А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов. М. : Радуга, 2015. [Rogozin D. M., Ipatova A. A. (2015) How reasonable is our faith in the results of the «paper» in-home polls. Moscow: Raduga. (In Russ.)].

Becker G. A. (1981) *Treatise on the Family*. Cambridge, MA.: Harvard University Press.

Benin M. H., Agostinelli J. (1988) Husbands' and wives' satisfaction with the division of labor. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 50. P. 349—361.

Blair S. L., Johnson M. P. (1992) Wives' perceptions of the fairness of the division of household labor: The intersection of housework and ideology. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 54. P. 570—581.

Bernhardt E., Brandén M., Ruppanner L. (2017) Division of housework and his and her view of housework fairness: A typology of Swedish couples. *Demographic Research*. Vol. 36. P. 501—524.

Goffman E. (1977) The Arrangement between the Sexes. *Theory and Society*. Vol. 4. P. 301—331.

Hlebec V., Ferligoj A. (2001) Respondent mood and the instability of survey network measurements. *Social networks*. Vol. 23. No. 2. P. 125—140.

Hox J. J. (1994) Hierarchical regression models for interviewer and respondent effects. *Sociological methods & research*. Vol. 22. No. 3. P. 300—318.

Kamo Y. (2000) «He said, she said»: Assessing discrepancies in husbands' and wives' reports on the division of household labor. *Social Science Research*. Vol. 29 (4). P. 459—476.

Kan M. Y. (2008) Measuring housework participation: The gap between «stylised» questionnaire estimates and diary-based estimates. *Social Indicators Research*. Vol. 86 (3). P. 381—400.

Marini M., Shelton B. (1993) Measuring household work: Recent experience in the United States. *Social Science Research*. Vol. 22 (4). P. 361—382.

Press J. E., Townsley E. (1998) Wives' and Husbands' Housework Reporting: Gender, Class, and Social Desirability. Gender and Society. Vol. 12 (2). P. 188—218.

Robinson J. P., Milkie M. A. (1998) Back to the basics: Trends in and role determinants of women's attitudes toward housework. Journal of Marriage and Family. Vol. 60. P. 205—218.

Schwarz N. (1999) Self-reports: How the questions shape the answers. American psychologist. Vol. 54. No. 2. P. 93—105.

Sudman S., Bradburn N. M. (1974) Response effects in surveys. Chicago: Aldine. P. 725—735.

Tourangeau R., Rips L., Rasinski K. (2000) The psychology of survey response. Cambridge: Cambridge University Press.